

В. И. БУГАНОВ

НОВЫЙ ИСТОЧНИК О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1682 г.

Круг источников о Московском восстании 1682 г. довольно обширен, он включает многие современные акты (переписка властей, разрядные записи и др.), воспоминания русских авторов (С. Медведев, А. А. Матвеев, И. А. Желябужский и др.) и иностранцев (Розенбуш, дневник анонимного польского автора и др.).¹ Особое место занимают среди них летописные повести, своеобразные записки, принадлежащие современникам восстания. Две подобные повести опубликовал М. Н. Тихомиров; первая, небольшая по размеру, написана, вероятно, земским дьячком Аверкием с Ваги. Он использовал официальные документы, именно грамоту о действиях стрельцов, разосланную из Москвы по городам в июне 1682 г. Его повесть представляет интерес сочувствием, которое испытывал автор к восставшим стрельцам.² С иных позиций написана вторая повесть, автор которой, современник и участник событий, враждебно настроен к восставшим. Впрочем, по содержанию она намного богаче первой, написана живым и красочным языком.³ Подобными же чертами отличается повесть, найденная автором настоящей работы в составе летописца 1624—1691 гг.⁴ В целом исследователи имеют в своем распоряжении

¹ См.: М. П. Погодин. Об источниках по истории первого стрелецкого бунта. В кн.: Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672—1689. М., 1875; А. П. Станевич. Московское восстание 1682 г. Канд. дисс., стр. 3—50.

² М. Н. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. Исторический архив, т. II, 1939, стр. 93—100.

³ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. ТОДРА, т. XII, 1956, стр. 442—457.

⁴ В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Новые материалы о московских восстаниях XVII в. Исторический архив, 1961, № 1, стр. 151—153; Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. Под ред. А. А. Зимина. М., 1962, стр. 471, 509—513.

немалый комплекс сведений о восстании 1682 г. в Москве, основные события которого довольно подробно освещены в исторической литературе. Тем не менее до сих пор бытует представление о нем как о реакционном «стрелецком бунте», спровоцированном Софьей, Милославскими и их сторонниками. Немалую роль в этом сыграли состояние разработки историкоэведческой базы по истории восстания и характер самих источников, исходивших, как правило, из враждебного восставшим лагеря. Достаточно в этой связи упомянуть злобные высказывания А. А. Матвеева, оказавшие огромное влияние на историков не только XVIII—XIX вв., но даже и на современных исследователей. После этого становятся понятными утверждения многих поколений историков о «разнузданности», «варварстве» стрельцов, «жестоких» расправах 15—17 мая 1682 г. и т. д. Ведь большинство источников и высказываний, исходивших от современников (в том числе от самого Петра I, трон которого колебался во время выступлений стрельцов и их сподвижников), проникнуты нескрываеваемой враждебностью к взбунтовавшейся стрелецкой массе и московской «черни». Правда, сохранились источники, написанные с иных, более объективных позиций (С. Медведев, С. Романов, Розенбуш, повесть Аверкия); кроме того, весь комплекс источников при его внимательном сравнительном анализе давал возможность нарисовать более правильную картину этого народного движения.

Серьезные работы подобного рода появились в середине — второй половине XIX в. (Н. А. Добролюбов, Н. Аристов, Е. А. Белов, и др.), в 20-е годы XX в. (А. Н. Штраух и др.), однако в последние десятилетия наметился своеобразный рецидив в оценке Московского восстания 1682 г. как реакционного «бунта».

Одной из задач советских историков является углубленное исследование истории народных движений в СССР, истории революционных традиций, складывавшихся в народе в течение многих поколений. Для дополнительного исследования истории Московского восстания 1682 г., помимо мобилизации уже известных науке источников, большую роль может сыграть привлечение новых материалов с новыми данными и оценками его хода и смысла.

В этом плане представляет исключительный интерес Повесть о Московском восстании 1682 г., сохранившаяся в составе сборника богословского содержания XVII в.⁵ Повесть составлена человеком, с явным сочувствием писавшим о стрелецких невзгодах и обидах, виновниками которых автор без обиняков называет их начальников и бояр. Так, описывая историю с челобитной стрельцов полка С. Грибоедова на своего начальника, автор отмечает, что «привести того полковника бояре снаровили и пред царя не поставили, а того челобитчика стрельца велели свести в Стрелец-

⁵ ГИМ, Барсовское собрание, д. 1578, лл. 336—341 об.; текст повести см. в приложении. На лл. 1—335 помещены слова и поучения «отцов церкви», на лл. 342—348 — записи о заговоре И. Цыклера 1697 г.

кой приказ и сковать в железа немилостивно». Когда стрельцы хотели побить «до смерти» своих полковников после их ареста по стрелецкому челобитью новому царю — Петру I, то «бояра за них стали и взяли в Розрядной приказ и стали у них (стрельцов. — В. Б.) упрашивать, чтобы не бить никого насмерть».

Автор, как и все вообще восставшие, стоит на царистских позициях, верит или хочет верить, что слух об убийстве царевича Ивана Алексеевича, послуживший поводом к восстанию, имел под собой почву. Более того, он вкладывает в уста Ивану слова, будто бы сказанные им стрельцам, пришедшим в Кремль: «Меня хотели задавить до смерти Кирила Нарышкина дети» (Иван и Афанасий Кирилловичи Нарышкины), далее он будто бы сказал им, что он и его младший брат — царь Петр — выдадут им «изменников», т. е. ни много, ни мало как обратился к ним от своего имени и от имени Петра, представлявшего партию Нарышкиных с призывом истребить этих Нарышкиных и других «изменников»! Ничего подобного не было в действительности, как свидетельствуют все другие источники; наш автор, приписывая царевичу Ивану (с которым-де молча соглашался и Петр) подобные слова, попросту хотел верить, что они были произнесены, так как по всей Москве стоустая молва разносила слух об убийстве царевича Нарышкиными, за что они и их сторонники понесли расплату, которую автор Повести и обосновывает задним числом. Замечательно, что этот своеобразный адвокат-писатель горячо сочувствует восставшим, знает их тяжелую жизнь в условиях боярского и начальнического произвола, одобряет их классовую месть по отношению к угнетателям. Его Повесть написана эмоциональным народным языком. Хотя не все речи действующих лиц переданы, вероятно, с точностью, тем не менее они довольно близки к действительности, к разговорам и слухам, ходившим в народе.

Содержание Повести довольно несложно, она невелика по объему и охватывает события, начиная с подачи челобитной на С. Грибоедова и кончая 15—17 мая (список убитых). К сожалению, не сохранилось начало Повести; первые ее слова приписываются автором стрельцу, подавшему челобитную на стрелецких начальников царю Федору Алексеевичу. Царь велел «распросить накрепко» С. Грибоедова, что подтверждает С. Медведев («по тому их челобитью велено государским повелением вскоре розыск и указ учинить»)⁶. Наибольший интерес представляет пересказ стрелецкой челобитной, дополняющий известные по другим источникам сведения.

Интересно указание Повести на то, что стрельцы, «отбившие» от наказания своего товарища — челобитчика на Грибоедова, решились на общем совете стоять заодно «и написали роспись за

⁶ С. Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяся во гражданстве. Чтения ОИДР, 1894, кн. 4, отд. II, стр. 42.

своими руками (т. е. со своими подписями, — В. Б.), — кольке на полковниках взять государевы казны». Кроме того, оказывается, что стрельцы решили бить челом не только на полковников, но и на других командиров (сотных, пятидесятников и десятников) за то, что они «ушничали с ними, полковниками, заедино, нас изгоняли; и тех бити насмерть и с роскату бросать». Здесь же называется фамилия одного из пятидесятников (Морозов), с которым расправились стрельцы, бросившие его с роската. Столь же ново и интересно сообщение о том, что стрельцы решили взыскивать «начетные деньги» (за недоданное им жалованье, поборы, взятки с них и т. д.) не только с полковников, но и с бояр, сидевших в Стрелецком приказе. Это известие делает понятным расправу в середине мая с начальником этого учреждения боярином князем Ю. А. Долгоруким, хотя до последнего времени имеет хождение легенда о том, что стрельцы убили его только за угрозы в их адрес.⁷

Таким образом, Повесть, несмотря на ее скромный размер, сообщает ряд новых подробностей о восстании, дополняющих сообщения других источников. Можно думать, что ее автор если и не был участником событий 1682 г., то во всяком случае наблюдал за ними с явным сочувствием и одобрением по отношению к стрельцам. На них и сосредоточено его внимание, он не говорит об участии в движении других слоев московского населения (солдаты, пушкари, посадские люди, холопы) и не упоминает о событиях, происходивших после 15—17 мая. Цель его рассказа — обоснование стрелецкого выступления; с этой целью с явной натяжкой используются мнимые «речи» царевича Ивана Алексеевича. Это как будто говорит о том, что автор, принадлежавший, вероятно, к московским низам (об этом говорит простонародный слог его сочинения), был близок восставшим стрельцам. Он сам был, возможно, стрельцом, из которых нередко выходили площадные подьячие, обладавшие бойким стилем письма, или же каким-нибудь мелким приказным служащим — подьячим, писцом. Повесть, вероятно, была составлена вскоре после майских событий, в том же 1682 г., во всяком случае до середины сентября этого года, когда после казни Хованских (17 сентября) и принесения повинной восставшими стрельцами и их союзниками не могло быть и речи о подобных прострелецких высказываниях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТЬ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1682 г.

...и слезами великими: «Братцы, вы, молодцы, холопы государевы стрельцы, не куйте и не мучите меня, бедного холопа государева, что мне будет одному, то и всем. Поведите вы меня вверх

⁷ См.: С. К. Богоявленский. Хованщина. Исторические записки, т. 10, 1941, стр. 187.

- в государевы полаты к ц. г. и в. к. Феодору Алексевичу в. В. и М. и Б. Р. с., за мною есть слово сво цареву». И те стрельцы послушав ево стрелецкого умоления и обещания и вопля многа и приведоша его пред царя. И той стрелец со страхом многим и ужасом исполнися, едва во слезах проглагола: «Свет ты наш, в. г. ц. и в. к. // Феодор Алексевиц в. В. и М. и Б. Р. с., пожаловал ты полковников за их многия выслуги, дал им по сороку крестьян сверх прежнего твоего государева жалованья, а нас ты, свет великий государь, бедных своих холопей, от них, полковников, разоренных, пожаловал, не велел им имать никаких денежных поборов и всякого зделиа и работы на их, полковников, не работать. А ныне нас, твоих государевых холопей, емлют к себе на всякия зделиа и велят робить неотступно у себя и по-
л. 337
сылают нас, твоих государевых холопей, человек по двесте // и болши грабить и красти из твоей великого государя казны кирпич и камень и известь. И мы, их бояся, ходили и у тебя, великого государя, из казны кирпич и камень и известь имали и к^а ним, полковником, привозили. И тем оне у себя во дворех строили каменные полаты, а нас поработали и вконец разорили. И в страстную пятницу и в воскресныя дни работать посылали. И от того их великого^б налога и натуги нам, холопом твоим, пить и ясть нечего; и женишка наши и детишка сиротают и многие глaдом измирают. И от твоего^в государева жалованья // к нам, твоим холопом, не выдавали, и тем оне корыстовалися промеж себя». И великий государь, слушая того стрелецкого челобитья, и послал по полковника Грибоедова^г и велел его привести и о том спросить накрепко. И привести того полковника бояре снаровили и пред царя не поставили, а того челобитчика стрелца велели свести в Стрелецкой приказ и сковать в железа немилостивно. А сами удумали и послали двух дьяков и велели того челобитчика бити кнутом до смерти у Стрелецкого приказу // и по стрелецким слободам водить. И того стрелца разболкли, и с казни он учал вопити и кричати гласом великим и воплем крепким: «Братцы мои, холопи государевы, что вы меня бедного выдали одного и обещание свое и заповедь ни во что положили?!» И тогда прибежали четыре человека и его, стрелца, из круга всенароднаго множества взяли в стрелецкие слободы, а сами говорили: «У нас, у всех холопей государевых, одне речи, что заоднем». И стрелцы меж собою совет учиниша и сотвориша обещание
л. 338 об.
крепкое: кто в слове не постоит, // и того казнию смертною казнить. И написали роспись за своими руками, — кольке на полковниках взять государевы казны.

^а Ошибочно с.

^б Далее повторено великого.

^в Ошибочно втвоего.

^г Ошибочно Гривоедова.

И тогда грех ради наших апреля в 27 день во царских полатах учинилосе сетование и плачь мног, что в. г. ц. и в. к. Феодор Алексеевич преставися в вечную жизнь, ко господу отъиде в 3-м часу дни и в третие четверти. И того же дни в 14 часу в первой четверти воцарился г. ц. и в. к. Петр Алексеевич в. В. и М. и Б. Р. с. И в соборной церквѣ крест за него целовали // во царствующем граде Москве мая в 25 день. л. 339

И того же мая в^а того же приказу стрельцы собралися и меж собою совет учинили, что бити челом великому государю на полковников и сотных и пятидесятников и десятников, которые ушничали с ними, полковниками, заедино, нас изгоняли; и тех бити насмерть и с роскату бросать. И во всех приказах стрельцы тако усоветовали и в первые Морозова пятидесятника били и с роскату бросили и иных тако же, которые неистово творили. Того же месяца били челом великому государю стрельцы и подали челобитную за своими руками в начетных денгах. И тех начетных денег довелоса взять на всяком полковнике тысячь по десяти и болши. А на^б боярех довелоса взять по четверти денег, а числом тысячь по пятидесят и больши, которые были в Стрелецком приказе и которые государевою казною владели. И полковники были скованы и сидели в Стрелецком приказе. И стрельцы полковников хотели бити до смерти, и бояра за них стали и взяли в Розрядной приказ, и стали у них упрашивать, чтобы не бити никого насмерть. И великий государь указал // и бояре приговорили доходить на полковниках денег судом и верою, а полковников бити батогами вместо кнута, а полуполковников и пятидесятников и десятников бити кнутом, а самим силним не чинитися. И полковников били батогами пред всеми стрельцами, и деньги доправили все сполна. л. 339 об.

Мая в 15 день в осмом часу дни в набат ударили, и прииде вестник из государевых царских полат ко стрелцам: «Вы, стрельцы государевы, не знаете, что во царских полатах учинилася, утухла у нас звезда поднебесная, не стало болшаго брата государева царевича Ивана Алексеевича». // И тогда собравшеся стрельцы со знаменами и со оружием, пришли в Кремль к полатам государевым, и шли в полаты безобшибочно, и учили вопить и кричать со слезами великими умильными гласы жалостно: «Свет ты наш, в. г. ц. и в. к. Петр Алексеевич в. В. и М. и Б. Р. с., объяви ты нам своего государева брата царевича и великого князя Иоанна Алексеевича, жив ли есть или мертв!» И тогда царь и царевич, и царевны все вышли на Златое крыльце, царевич Иоанн Алексеевич стал говорить: // «Меня хотели задавить до смерти Кирила Нарышкина дети». И стрельцы учили просить у царя и у царевича, и у царевен бояр изменников. Царевич Иоанн Алексеевич стал говорить: «Вы, стрельцы государевы, и мое правое крыло и царево, л. 340 об.

^а Далее оставлено чистое место.

^б Ошибочно но.

и аз вас пожалую, стойте вы верою и правдою, а изменников вам всех выдадим, кто вам надобеть и кого вы знаете сами». Тогда стрельцы в первые взяли к казни боярина Артемона Матвеева² и за ним взяли вместо Кирилова сына Ивана неведением Салтыкова³ сына Петра Федоровича, и Кирилова сына после его взяли л. 341 об. Афонасья, и после лекаря Ивана, // и после ево боярина Михаила Юрьевича Долгорукова, и после полковника, и после лекарева сына жидовина, и после его боярина Ивана Максимовича Языкова, и после думного дьяка Лариона, и после боярина Григорья Ромодановского. И пришли на двор стрельцы к боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукову и взяли ево ис полаты и выволокли из двора и тут его присекли в мелкие части. Того же месяца в 16^и день в 3-м часу дни взяли думного дьяка Аверкия и после его товарища лекарева. И всех их бросали с роскатного крыльца и на копья принимали.